

Маяковский Владимир Владимирович

Грозный смех. Окна сатиры РОСТА

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович М.**
Грозный смех. Окна сатиры РОСТА / Маяковский Владимир Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 184 с.

ISBN 978-5-519-95852-3

Филологические науки. Художественная литература, Российская Федерация, Русская литература, 1917-1929 гг., Произведения художественной литературы, Сатира и юмор, Сатирические афоризмыдиалогиминиатюры, Иллюстративные изданияИскусство. Искусствознание, Графика, История графики, Российская Федерация, Русская графика, Маяковский Владимир Владимирович 1893 - 1930 - как график, Отдельные стороны творческой деятельности

ISBN 978-5-519-95852-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„Окна сатиры РОСТА“ — одна из самых ярких и интересных страниц истории политической агитации и советского искусства первых лет революции.

Это были рисованные от руки плакаты со злободневными стихотворными подписями, которые вывешивались в пустующих окнах магазинов. Отсюда их странное на первый взгляд название.

„Окна РОСТА“ фантастическая вещь“, — писал впоследствии Маяковский. — „Это — обслуживание горстью художников, вручную, стоятидесятиллионного народа.“

Это телеграфные вести, моментально переделанные в плакат; это декреты, сейчас же распубликованные частушкой. Это — новая форма, введенная непосредственно жизнью. Это те плакаты, которые перед боем смотрели красноармейцы, идущие в атаку, идущие не с молитвой, а с распевом частушек“ (Маяковский).

Термин „плакат“ не исчерпывает всего содержания понятия „Окна РОСТА“. В период типографской разрухи, когда газеты мало поступали в продажу, а расклеивались на заборах, „Окна РОСТА“ были своеобразной красочной газетой, совмещали в себе функции и плаката, и газеты, и журнала, и информационного бюллетеня.

Маяковский пришел в РОСТА в октябре 1919 г., когда советская республика переживала тяжелые дни — в кольце блокады, отбиваясь от наступающей со всех сторон генеральской контрреволюции. Здесь, на этой работе, Маяковский нашел применение своим силам и как поэт и как художник. Он проработал в РОСТА — изо дня в день — два с половиной года, гордясь тем, что его умение писать стихи и талант художника пригодились революции, участвуют в общей борьбе многомиллионного народа, руководимого партией Ленина — Сталина.

„Окна сатиры“ выпускались около двух с половиной лет: с сентября 1919 г. по март 1922 г.

Сколько „Окон сатиры“ нарисовал Маяковский?

То, что сохранилось, позволяет с уверенностью сказать, что из общего числа (в грубых цифрах) 1500—1800 „Окон“ немногим менее половины были

нарисованы Маяковским и, должно быть, для девяти десятых общего количества „Окон“ темы и подписи были сделаны им.

„Количество работы было непомерно,—писал Маяковский,—у меня комната на Лубянском проезде, я работал в ней часов до двух ночи и ложился спать, подложив под голову не подушку, а простое полено,—это для того, чтобы не проспать и успеть во-время обвести тушью ресницы разным Юденичам и Деникиным“.

Но дело, разумеется, не только в количестве.

„Вне телеграфной, пулеметной быстроты—этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную силу и серьезность наших умений, но и революционировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке „революционный стиль“,—это стиль наших окон“.

В РОСТА работал ряд талантливых художников, имеющих свое лицо, свою художественную манеру,—такие, как М. Черемных и И. Малютин, и, однако, все направление работы, ее внутренняя организация, ее общий стиль принадлежали именно Маяковскому.

Приход Маяковского имел решающее значение для характера „Окон РОСТА“. Изменения коснулись не только текстов, но и общей композиции „Окон“. Маяковский шел от плаката и лозунга, с одной стороны, от газеты—с другой. На первый план, уже начиная с первого „Окна“, посвященного партийной неделе, выступает агитационный момент.

„Окна“ Маяковского были не только „Окнами сатиры“, но и „Агитокнами“. Нужно было мобилизовать зрителя на борьбу с опасностью, сосредоточить его внимание на одной важнейшей теме, подчинив ей весь изобразительный и текстовый материал. Этим достигалась большая концентрированность агитационного „удара“. Так выработалась структура плаката, ставшая типичной для „Окон РОСТА“: несколько рисунков, последовательно расположенных в два или несколько рядов и подчиненных одной теме. Тема эта могла быть агитационной, сатирической или информационной, но это обязательно была одна тема. Выбрать, сформулировать и распределить темы—это и значило организовать работу внутри коллектива.

„Когда приходили телеграммы,—рассказывает М. Черемных,—их приносили Маяковскому, он отбирал самые нужные, намечал темы, писал тексты, раздавал работу нам“.

В сжатых сводках телеграмм, ежедневно составлявшихся в РОСТА, и в сегодняшней газете Маяковский умел находить тот „огромный диапазон тем“, о котором он говорит в своей статье „Прошу слова“.

Маяковский называл свою работу в РОСТА работой, „очищающей наш язык от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия“. Но это „очищение от шелухи“ имело место не только в отношении словесного, но и изобразительного мастерства.

„Окна РОСТА“ позволяют говорить о Маяковском, как о вполне самостоятельном художнике, имеющем свою индивидуальную графическую манеру. Рисованные им „Окна“ наиболее плакатны. Отсутствие второстепенных деталей и большая динамичность—вот что для них характерно. Малютин и Черемных

пришли к плакату от журнальной карикатуры, Маяковский—от народного лубка. Может быть отсюда идет яркость, красочность его „Окон“, резко выделяющие их среди „Окон“ других художников.

Графическая манера Маяковского была предельно проста, динамична и выразительна.

В настоящий альбом вошли избранные „Окна сатиры“ Маяковского. За исключением двух плакатов для ЦК горнорабочих, воспроизведенных с трафаретных экземпляров, хранящихся в Третьяковской галерее, издание составлено по материалам государственного Литературного музея в Москве.

Работа художественного коллектива РОСТА была анонимной. На первых „Окнах“ иногда делались пометка „Художественный коллектив РОСТА“ и дата, но фамилия художника и автора текста не ставилась никогда.

Таким образом, за исключением нескольких плакатов, на которых есть карандашные пометки рукой Маяковского, авторство рисунков Маяковского приходится определять главным образом по характеру рисунка.

В текстах стихов Маяковского на плакатах довольно часто встречаются ошибки—описки, неправильное расположение стихотворных строк, пропуски слогов и т. д. (тексты эти писались не Маяковским, а специальными работниками, так называемыми „шифтовиками“). Поэтому, воспроизводя плакаты без исправлений ошибок в текстах, мы даем в приложении к альбому отдельно полностью тексты всех плакатов.

Политическая злободневность „Окон“ сегодня отошла в историю. В комментариях сделана попытка восстановить в цитатах из газет и других политических документов того времени источники тем, отдельных образов и формулировок „Окон“ Маяковского.

Разумеется, документировать и тем самым точно датировать все без исключения „Окна“, т. е. найти бесспорный первоисточник для каждого „Окна“, невозможно. Приводимые в комментариях цитаты являются или бесспорным первоисточником для данного „Окна“ или одним из возможных. Часто, вследствие громоздкости материала, приходилось ограничиваться только изложением или фактическими справками.

В конце 1929 г. Маяковский составил небольшой сборник избранных текстов и фотографий „Окон РОСТА“ под названием „Грозный смех“ и написал к нему вступительную статью—„Прошу слова“. Заглавие сборника мы сохраняем для этого альбома, а статью даем предисловием к нему.

ПРОШУ СЛОВА

Это не только стихи.

Эти иллюстрации не для графических украшений.

Это — протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов.

Это — моя часть огромнейшей агитработы — „Окон сатиры РОСТА“.

Пусть вспоминают лирики стихи, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла.

Любителям высокотарифных описаний задним числом романтики гражданской войны в стиле „конструктивист“ неплохо поучиться на действительном материале боевых лет, на действительной словесной работе этого времени.

Есть такие новые русские древние греки, которые все умеют засахарить и заэстетизировать.

Вот В. Полонский в книге о революционном плакате, вырвав из середины кусок, набредя на агитсатиру РОСТА времен боев с панами, агитку, весь смысл которой — доказать:

Так кормите ж

красных раты!

Хлеб неси без вою,

чтобы хлеб

не потерять

вместе с головою,—

этот самый Полонский вырывает из агитки случайный клочок и пишет „фрагмент“! Не угодно ли?!

Так же может поступить историк литературы, приводящий слово „соединяйтесь“ с подписью „фрагмент“, чтоб все догадывались и радовались, что сие — „фрагмент“ лозунга „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Полонский не только не старается понять и систематизировать цель и направленность плакатных ударов, но просто вдохновенно парит над низменностью агитационного текста. Сейчас, с десятилетием ростинской работы, Третьяковская галерея, газеты, журналы любопытно и восторженно подбирают,

клеют и смотрят клочки вручную крашенных листов, этих предков всех многотысячных сегодняшних сатирических журналов. Первые „Окна сатиры“ делались в одном экземпляре и вывешивались в немедленно обступаемых народом витринах и окнах пустующих магазинов, позднейшие размножались трафаретом, иногда до 100—150 экземпляров, расхोдившихся по окнам агитпунктов.

Всего — около девятисот названий по одной Москве. Ленинград, Баку, Саратов стали заводить свои „Окна“.

Диапазон тем огромен.

Агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих, борьба с Врангелем и с тифозной вошью, плакаты о сохранении старых газет и об электрификации. Я рылся в Третьяковке, в Музее революции, в архивах участников. Едва ли от всей массы „Окон“ осталось сейчас более ста целых листов. Мы работали без установки на историю и славу. Вчерашний плакат безжалостно топтался в десятках переездов. Надо сохранить и напечатать оставшиеся, пока не поздно. Только случайно найденный у М. Черемных альбом фотографий дал возможность разыскать тексты и снимки с исчезнувшего.

Моя работа в РОСТА началась так: я увидел на углу Кузнецкого и Петровки, где теперь Мосторг, первый вывешенный двухметровый плакат, немедленно обратился к заву РОСТА, который свел меня с М. М. Черемных, — одним из лучших работников этого дела.

Второе окно мы делали вместе. Дальше пришел и Малютин, а потом художники: Лавинский, Левин, Брик, Моор, Нюрнберг и др., трафаретчики: Шиман, Михайлов и еще многие другие, фотограф Никитин.

Первое время над текстом работал т. Грамен, дальше почти все темы и тексты мои; работали еще над текстом О. Брик, Р. Райт.

Сейчас, просматривая фотоальбом, я нашел около четырехсот одних своих „Окон“. В „Окне“ — от четырех до двенадцати отдельных плакатов, значит в среднем этих самых плакатов не менее трех тысяч двухсот.

Подписей — второе собрание сочинений (в этой книге — малая часть).

Как можно было столько сделать?

Вспоминаю, — отдыхов не было. Работали в огромной, нетопленной, сводящей морозом (впоследствии — выедающая глаза дымом „буржуйка“) мастерской РОСТА.

Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься и, поспав ровно столько, сколько необходимо, вскочишь работать снова.

С течением времени мы до того изошрили руку, что могли рисовать сложный рабочий силуэт от пятки, с закрытыми глазами, и линия, обрисовав, сливалась с линией.

По часам Сухаревки, видневшимся из окна, мы вдруг втроем бросались на бумагу, состязались в быстроте наброска, вызывая удивление Джона Рида, Голичера и других заезжих, осматривающих нас иностранных товарищей и путешественников. От нас требовалась машинная быстрота, — бывало, телеграфное известие о фронтовой победе через сорок минут — час уже висело по улице красочным плакатом.

„Красочным“ — сказано чересчур шикарно, красок почти не было; брали любую, чуть размешивая на слюне. Этого темпа, этой быстроты требовал характер работы, и от этой быстроты вывешивания вестей об опасности или о победе зависело количество новых бойцов.

Вне телеграфной, пулеметной быстроты этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную силу и серьезность наших умений, но и революционировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке „революционный стиль“, — это стиль наших „Окон“.

Не случайно, что многие из этих работ, рассчитанные на день, пройдя Третьяковскую галерею, выставки Берлина и Парижа, стали через десять лет вещами настоящего так называемого искусства.

Я привожу в этой книге только незначительную часть материала, только то, что сохранилось в днях. Кроме двух, приводимых раньше по памяти, а теперь полностью текстов „Азбуки“ и „Бубликов“, — все остальное не публиковалось и публиковаться, кроме этой книги, не будет.

Для меня эта книга — большого словесного значения работа, очищавшая нам язык от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия.

Это не столько чтение, сколько пособие для времен, когда опять придется крикнуть:

Голой рукой
 нас не возьмешь!
Деникина день
 сосчитан.
Красная армия —
 красный еж —
верная
 наша
 защита.
Голой рукой
 нас не возьмешь!
Час Колчака
 сосчитан.
Красная армия —
 красный еж —
лучшая
 наша
 защита.
Голой рукой
 нас не возьмешь!
Товарищи,
 все за оружие!
Красная армия —
 красный еж —
железная сила содружия.

В. Маяковский

